

— Официальным днём заезда было 5-е сентября, но некоторые, как и ожидалось, появились раньше - 4-го, и даже 3-го. 1-го и 2-го сентября стояла необычная жара: 27-28 градусов, а к семинару начались дожди, правда, с прояснениями, иногда выглядывало солнышко, но в целом похолодало до шестнадцати градусов, а 7-го так и вовсе была осенняя погода - плюс тринадцать всего.

— 4-го я встречал в аэропорту Данилова и Михайлова. Андрей вёз с собой огромный тубус с плакатами, мы договорились, что он выступит у нас в кирхе со своей докторской. Как нарочно, в обсерватории оказалось туго с транспортом для встречи: УАЗик был не на ходу, не было безотказного Опекунова с его "Москвичём", и я приехал в аэропорт на дряхлой "Победе" некоего Островского - жителя Ладушкина из нашего "измирановского" дома, известного шофёра- балаболки, с которым договорился Иванов (не за просто так, разумеется).

— По дороге мы с ним обсуждали новость, невнятно сообщённую по радио и в газетах: наши сбили над Сахалином южно-корейский самолёт, непонятно как залетевший на нашу территорию. Островский высказал свою личную версию, почему его сбили, а не посадили:

— Чёрт его знает, чем он там начинён! Его посадишь, а он тут и взорвётся к ядрёной бабушке - специально для этого его, наверное, и запустили.

— Так ведь пассажирский самолёт-то!

— А кто его разберёт? Не залетай, куда не надо.

— Вечером я узнал, что наши гробанули южнокорейский "Боинг-747", летевший из Штатов в Сеул с 260 пассажирами на борту, включая женщин и детей. (- И все шпионы, - с горечью заметил Пудовкин.) Вначале наши пытались отпираться, что сбили его, но оказалось, что японцами были записаны переговоры наших истребителей-перехватчиков с Землёй, включая команду на уничтожение и рапорт о попадании. Самолёт на 500 километров отклонился к западу от положенного курса и около двух часов летел параллельно ему, сообщая на Землю свои координаты, как если бы он летел правильным курсом.

— Наши средства ПВО обнаружили его над Камчаткой, сопровождали его полчаса, а потом на полчаса потеряли и вновь обнаружили уже на подлёте к южной части Сахалина после того, как он пересёк всё Охотское море, выйдя и снова войдя в советское воздушное пространство. Его сопровождали ещё сорок минут и, наконец, сбили на выходе из советского воздушного пространства или даже за его пределами, вдогонку.

— Самолёт не был уничтожен в воздухе, его полёт-падение длился 14 минут, прежде чем он рухнул в море. Каково было эти 14 минут находившимся на борту - невозможно себе представить.

— Наши, разумеется, объявили самолёт разведчиком, а всё происшедшее - провокацией ЦРУ. Рейган заявил, что Советы безжалостно уничтожили, не задумываясь, пассажирский лайнер, заблудившийся по причине неполадок навигационного оборудования. А буквально через неделю конгресс США проголосовал за дополнительные ассигнования на военные расходы, которых давно уже и с малыми шансами на успех добивался Рейган. Можно сказать, что эти миллиарды долларов ему собственноручно преподнёс бесстрашный советский ас, одним махом отправивший на тот свет почти что триста человек.

— Этого героя, кстати, показывали по телевизору. Плотный, темноволосый, молодой ещё, лет тридцати, человек в кожаной куртке. Вид у него, однако, был отнюдь не геройский, скорее подавленный. Он уверял, что было темно и трудно было опознать, какой это самолёт, а на их (перехватчиков) сигналы следовать за ними самолёт не реагировал. Ну, он и выполнил приказ.

— Даже если существует некий материальный военный эквивалент угробленный жизням ни в чём не повинных гражданских людей, даже если это, действительно, была

провокация, - каким идиотом надо быть, чтобы на такую провокацию поддаться, не предвидеть политических последствий своего шага, как минимум, способствовавшего прямому военному усилению стратегического противника, не говоря уже о потере остатков репутации в глазах мировой общественности? И это в период интенсивных переговоров о ракетах средней дальности в Европе, когда на их успех, хотя бы частичный, ещё можно было надеяться...

—Островский прокатил нас с Даниловым и Михайловым по городу, я поселил их в "Калининграде", а оттуда мы вместе с ними и Галей Новиковой прогулялись ещё пешочком до кирхи и обратно. Старые немецкие кварталы особнячков с черепичными крышами, утопающие в зелени в районе улиц Кутузова и Каштановой аллеи произвели, конечно, впечатление. Ужинать я пригласил всех к себе домой, но мне надо было перегнать к дому мотоцикл, который с утра я оставлял у гостиницы. Я посадил на него сзади Андрея, в коляску Галю, а Данилов пошёл пешком - я объяснил ему, куда надо идти. И на этом коротком отрезке от гостиницы до нашего дома мы его потеряли. Покрутились вокруг по соседним кварталам, а нашли на лавочке у нашего подъезда: как-то сумел он нас обогнать.

—А дома у нас уже были гости: Лариска, Пудовкин и Свет Санна. Разговор, конечно, поначалу шёл вокруг несчастного самолёта. (С отцом моим по этому поводу я после даже чуть не разругался: тоже вроде Островского рассуждал - так и надо, мол, нечего залетать, пусть знают!)

—Затем начали вспоминать всякие другие таинственные истории.

—Про то, например, как на Урале погибла группа ленинградских студентов, старшекурсников, опытных туристов. Их нашли всех мёртвыми в районе места ночёвки, кого в палатке, кого рядом, а одного на расстоянии около километра. Все были раздеты, то есть в том, в чём спали в палатке, а это было зимой, в том и выскочили. Палатка была распорота ножом, такое впечатление, что выбирались из неё в жуткой панике и пытались бежать по снегу врассыпную, словно обезумев.

—Нашли их поздно, когда установить причину смерти было уже невозможно. Но следов насилия не было обнаружено. Не оказались ли они жертвами испытания какого-нибудь средства психического воздействия, звукового, например?

—Затем Данилов продемонстрировал восхитивший всех фокус: четверо - Андрей, Галя, Свет Санна и сам Данилов подняли вверх сидевшую на стуле Лариску вместе со стулом, подсунув под него всего лишь по одному вытянутому указательному пальцу каждый. Предварительно Данилов "настраивал" участников, заставлял их проделывать какие-то пассы вроде поглаживания по животу, а сам при этом сосредоточенно произносил мобилизующие фразы, и, наконец, по его команде все подсунули по пальцу под сиденье стула и без видимых усилий подняли его с Лариской до уровня своей груди примерно.

—Выглядело всё это очень эффектно. Лариска весит под 80 килограммов, и поднять 20 кило вытянутым указательным пальцем не смог бы даже спортивный Андрей. Вот что значит психическая мобилизация. Впрочем, сам Данилов почему-то отрицал, что дело только в этом. Ну, а в чём тогда? Не телекинез же! Похоже, что Данилов верил именно в это.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)